

Известный современный ученый, дважды доктор наук и дважды профессор, Заслуженный деятель науки РФ и не менее известный писатель, главный редактор всероссийского литературного журнала «Приокские зори» Алексей Афанасьевич Яшин опубликовал недавно свой роман-новеллино «Задушевные беседы об умозамещении».

Понятие «умозамещение» родилось у него как некий грамматический аналог понятия «импортозамещение». На мой взгляд, это понятие очень удачное, несущее на себя печать сатирического хохота Капитала-Фетиша, воюющего, как и Мефистофель в «Фаусте» Гёте, и затем в одноименной опере Гуно («Сатана там правит бал, люди гибнут за металл»), против человека, вернее, против «человеческого» в человеке, и одновременно превращающего человека в свой придаток (по образу и подобию своему — без души и без ума).

Николай Александрович Бердяев, известный русский философ, певец свободы, в 1918 году записал: «В частном интересе таится по-видимому безумие». Процесс «умозамещения» в современном российском обществе, как плата за рыночные реформы и как отражение колонизаторской миссии происходящей рыночно-капиталистической контрреволюции (вот уже более чем 25 лет, с 1992 г. по 2017 г.), одновременно есть одно из «измерений» той *капиталорационализации человека*, которая

* Яшин А. А. Задушевные беседы об умозамещении (восьмая книга рассказов Николая Андреевича): Роман-новеллино / Пред. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы.— М.: Московский Парнас, 2017.— 343 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»).— В электронной форме см. на сайте www.pz.tula.ru (раздел «Библиотека журнала «Приокские зори»).

происходит в мире диктатуры капитала — строя мировой финансовой капитало­кратии. Этот процесс я раскрыл и проанализировал в своей работе по теории капитало­кратии в 2000 году «Капиталократия». В ней я ввел *понятие глобальной капитал-мегамашины*, «движущей силой» которой выступают деньги (в виде мировой валю­ты — доллара), и которая пытается капиталорационализировать все — и человека, и природу Земли, и входит в конфликт с законами природы и с законами бытия чело­века, *породив первую фазу глобальной экологической катастрофы. Теперь уже зву­чит новая «песня» Капитала-сатаны: «Сатана там правит бал, не только люди, человечество гибнут за капитал, но и гибнет природа Земли».*

В своих работах по ноосферизму, теории ноосферного социализма, системогене­тике и ноосферной парадигме универсального эволюционизма я показываю и дока­зываю, что любая прогрессивная эволюция, — в том числе прогрессивная эволюция нашей Вселенной (космогоническая эволюция), эволюция биосферы Земли, эволю­ция социального человечества в пространстве биосферы, то есть история, — подчиня­ется действию двух метазакон­ов: (1) *метазакону сдвига от доминанты закона конкуренции и механизма «естественного отбора» — к доминанте Закона Кооперации и механизма «интеллекта»;* (2) *метазакону интеллектуализации или «оразумления» прогрессивной эволюции* (как своеобразному следствию действия первого закона).

Отражением действия второго метазакон­а применительно к эволюции биосферы явились: появление человека, человеческого Разума на Земле, закон перехода био­сферы в ноосферу В. И. Вернадского.

На мой взгляд, первая фаза глобальной экологической катастрофы есть эколо­гический приговор стихийной истории человечества, ее последней рыночно-капиталистической фазе развития, который выражает собой экологический конец капитализма, рынка, доминирования закона конкуренции и принципа Гоббса «человек человеку — волк».

Возник императив выживаемости человечества в XXI веке — как императив пе­рехода к управляемой («подлинной», по К. Марксу) истории на базе доминирования закона кооперации и механизма общественного интеллекта, но уже в новом качестве самой истории — *в виде управляемой социоприродной, то есть ноосферной, эволю­ции,— единственной модели устойчивого развития человечества*, которую ищут лучшие умы человечества уже более 40 лет, в том числе на конференциях ООН и встречах глав государств мира, и не могут найти. *Устойчивое развитие и рыночно-капиталистическая система есть вещи несовместные.* В докладе, написанном под руководством ученых-экономистов-экологов Гудленда, Дейли и Эль-Серафи по зака­зу Всемирного банка, еще в 1991 году, был вынесен вердикт: в экологически запол­ненной нише, которую занимает человечество, рынок, как механизм развития эконо­мики, исчерпал себя.

Я еще в конце 80-х годах XX века в работе «Опережающее развитие человека, качества общественных педагогических систем и качества общественного интеллек­та — социалистический императив» (1990) показал, что *возникший, под «давлением» глобального экологического кризиса, принимающего катастрофический масштаб, императив выживаемости есть единство социалистического и ноосферного импе­ративов, то есть основой выживаемости человечества и его устойчивого развития в будущем является ноосферный экологический духовный социализм, олицетворяю­щий собой управляемую социоприродную эволюции на базе общественного интел­лекта и научно-образовательного общества.*

Россия, как первая в мире страна и цивилизация, осуществившая 100 лет назад прорыв человечества к социализму, создав, как развитие созидательной функции Ве­ликой русской (Октябрьской) Социалистической Революции, Союз Советских Со­циалистических Республик (СССР), обозначила этим социалистическим прорывом

начало новой эпохи — эпохи социалистического преобразования мира, когда человек труда становится хозяином своей исторической судьбы.

Один из героев романа Яшина в «задушевной беседе» вспоминает фильм «У озера» Герасимова и замечает, что в нем передана «тогдашняя атмосфера всеобщего духовного, нравственно-этического прорыва, что и составляла сущность интеллигентизации советского общества» (с. 164)*. Советский социализм раскрыл таящиеся в русском народе и других народах бывшей Российской империи огромные творческие энергии, поднял труд и разум человека на небывалую высоту исторического созидания, которых не знала история. В новелле, посвященной младшему сержанту Олегу Александровичу Лаврентьеву — автору идеи разработки термоядерного оружия и идеи термоизоляции высокотемпературной плазмы магнитным полем («токомака»), в романе он — Игорь Алексеевич Прокофьев, Яшин словами своего героя — профессора Игоря Васильевича Скородумова, подводит такой итог-оценку: «— Да-а, были люди в наше время, говоря словами Поэта. Самое главное, сколько таких сержантов в сталинском и последующем Советском Союзе народилось? Тот же сержант Калашников... Великий и мудрый Вождь был дарован нашему, в общем-то несчастливому, отечеству. И хрущевская «оттепель», и расцвет державы при Брежневе — до четвертой его геройской звезды — все наследие установки Сталина: прежде думай о Родине, а потом о себе. Что бы там диссидентствующие на кухоньках, а ныне во весь голос вещающая продажная пресса, радио- и телевидение не говорили» (с. 70).

Вместе с русским прорывом человечества к социализму *100 лет назад «поток истории»* разделился на два «потока»:

— «*планово-социалистический*», олицетворяющий собой становящуюся «подлинную» (по Марксу), *управляемую историю*, на базе доминирования закона кооперации, в которой человек, а значит — его ум и разум, поднимаются на высоту «подлинного» субъекта истории,

— и «*рыночно-капиталистический*», а вернее — «*колониально-империалистический*», — олицетворяющий собой «предысторию» (по Марксу), *стихийную историю*, на базе доминирования закона конкуренции, частной собственности на средства производства, рынка и власти капитала над трудом — *капиталократии*, — рыночно-капиталистическую историю, расчеловечивающую человека.

«*Второй поток*» истории, отражавший собой стихийную историю эксплуататорских обществ, начало которой положила неолитическая революция 10—12 тысяч лет назад, в конце XX века наткнулся на экологический барьер в виде первой фазы глобальной экологической катастрофы, тем самым отразив собой еще один барьер — барьер капитало-человеческий в форме глобальной антропологической катастрофы. Рыночно-капиталистический «разум», как я показал в монографии «Разум и анти-разум» (2003), превратился в «анти-разум», то есть «разум», экологически самоуничтожающийся, и поэтому олицетворяющий собой не «разум — интеллект», как эволюционный механизм, сопровождающий действие закона кооперации и олицетворяющий собой управление будущим («опережающую обратную связь»), а нечто противоположное, отрицающее человеческий разум, — направляющий человечество по направлению капиталогенной и рыночно-генной экологической гибели.

И это произошло на рубеже 80-х — 90-х годов XX века, спустя 70 лет после Великой русской (Октябрьской) Социалистической Революции, когда наши «либераль-рыночники-диссиденты», так и не усвоив великий урок истории XX века — урок двух мировых империалистических войн, для нашей страны — урок Великой Отечественной войны, запечатленной в великой победе советского социализма над немецким империализмом в самой агрессивной форме — гитлеровским фашизмом, во гла-

* Далее все ссылки с указанием страниц — это ссылки на страницы романа А. А. Яшина.

всех с М. С. Горбачевым и Б. Н. Ельциным, и их «свитой» в лице Шеварнадзе, Гайдара, Бурбулиса, Чубайса, Явлинского, Ципко, А. Н. Яковлева и других, совершили рыночно-капиталистическую контрреволюцию, отбросив историю России на 100—200 лет назад. Не усвоили они «урок» истории XX века, не осознав величие социалистической истории СССР, что будущее человечества только за социализмом и коммунизмом, потому что началось в их головах «умопомрачение» (погружение в «сумерки спящего или отравленного разума»), переходящее в «умозамещение», замешанное на мелкобуржуазном стремлении к обогащению и наслаждениям для себя.

Первый — «планово-социалистический поток» человеческой истории, который только-только зародился, которому в этом, 2017-ом году исполняется только 100 лет, тогда, как за стихийной историей человечества инерция развития 100—120-ти таких 100-летий, неожиданно, на фоне состоявшейся первой фазы глобальной экологической катастрофы, становится единственным носителем стратегии выхода человечества из «экологического тупика» стихийной, рыночно-капиталистической истории, несущей в себе «ген» будущей экологической гибели, обретая ноосферное содержание — содержание управляемой, ноосферной истории.

Императив выживаемости — это императив установления на Земле ноосферного экологического духовного социализма, и одновременно это «роды действительного разума» как разума, управляющего социоприродной эволюцией, и «роды», соответственно действительного человечества, такой разум собой олицетворяющий.

Итак, раздвоение истории, 100 лет назад, на два «потока» — «новый», социалистический, делающий историю «подлинной» и соответственно делающий человеческий разум «подлинным», и «старый», рыночно-капиталистический, олицетворяющий собой «предысторию» и «предысторическую форму развития разума», сохраняющий «стихийную парадигму» истории, вдруг столкнулось на рубеже XX и XXI веков, в моей оценке, с новой эпохой великого эволюционного перелома, которая ставит экологический предел «старой», в рыночно-капиталистическом формате, истории (и если человечество в этом, «старом», стихийном «потоке» истории «задержится», то, вполне возможно, оно даже не переживет XXI-й век), и «пропускает» в будущее «новый», социалистический «поток», придавая ему ноосферное содержание.

Первая фаза глобальной экологической катастрофы ознаменовала собой начало великого эволюционного перелома в развитии биосферы в единстве с человечеством, а именно переход биосферы в свое новое состояние (как и прогнозировал В. И. Вернадский), или качество, — в ноосферу.

Ноосфера — это не «сфера разума», как многие ее трактуют, следуя воззрениям Э. Леруа и П. Тейяра де Шардена, и, как следовало бы ее толковать из этимологии этого слова («ноо», «нус» — разум, «ноосфера» — «сфера разума»), а новое качество биосферы, в котором коллективный разум человечества начинает управлять социоприродной (или социо-биосферной) эволюцией, соблюдая ограничения, диктуемые законами гомеостатических механизмов биосферы и планеты Земля (как суперорганизмов).

Ноосферная парадигма истории, которая идет на смену стихийной парадигме истории, есть «подлинная» (по Марксу), то есть управляемая история, но управляемая история, выходящая за пределы своей социальной автономности, то есть за пределы себя как социальной эволюции, становящаяся управляемой социоприродной эволюцией.

«Стихийная история» одновременно, таким образом, предстает как «беременность» биосферы («человеческим разумом»), который должен стать «разумом биосферы», превращая ее в «ноосферу». Это означает, что эпоха великого эволюционного перелома есть эпоха родов действительного разума человечества, как разума ноосферного, как разума управляющего социоприродной эволюцией, когда человеческий разум из состояния «разум-для-себя» переходит в состояние «разум-для-биосферы, Земли, космоса».

И обеспечить эти «роды» может только социализм, но «социализм XXI века» как «социализм» нового качества — ноосферный экологический духовный социализм.

На этом историческом фоне «умозамещение» в концепции А. А. Яшина есть один из аспектов происходящих процессов капиталогенной и рыночногенной глобальной антропологической катастрофы.

Императив выживаемости человечества в XXI веке как своеобразный императив, включающий в себя «роды действительного разума» (или действительный разум появится из «куколки» «предысторического» разума человечества, или человечества не будет на Земле, «анти-разум» мировой капиталократии уведет его с собой в небытие через глобальную экологическую катастрофу), таким образом, несет в себе посыл преодоления процесса рыночно-капиталистической деградации человека и его разума (интеллекта), в ряде своих работ я назвал его «деинтеллектуализацией», и соответственно, как его момента, процесса «умозамещения».

Роман-новеллино Алексея Афанасьевича Яшина «Задушевные беседы об умозамещении» состоит из десяти новелл, представляющих собой беседы в «теплой», домашней обстановке, которые ведут регулярно два друга, советских человека, в прошлом два инженера, успешно работавших на предприятиях оборонной промышленности, в частности — ракетостроения, а теперь, в рыночной, «демократической» России, уже в солидном возрасте, нашедших себе место для приложения накопленных знаний и опыта в Тулуповском университете. Один из них — Николай Андреевич — доцент кафедры ракетостроения военно-технического факультета, продолжающий «передавать свой немалый опыт юному поколению оружейников», а другой — Игорь Васильевич Скородумов, профессор, «обремененный всеми мыслимыми званиями и степенями», издающий свой теоретический журнал и работающий «на новомодном факультете с естественно-биологическим уклоном». Друзья они давнишние, еще со времен работы в научно-производственном объединении «Меткость» (НПО «Меткость»), которое «уже третьим по счету американским президентом» объявлено «личным врагом Штатов», наподобие тому, как «личными врагами бесноватого фюрера» были объявлены «подводник Маринеско, диктор Левитан и киноактер Крючков» (с. 5).

«Задушевные беседы» проходят, куда друзья каждый раз направляются, в гостеприимном пригородном доме Прокофьевича, дальнего родственника профессора Скородумова, из военных моряков, служившего в молодости на крейсере «Киров» Северного флота. В круг «героев» новелл романа еще входят супруга Прокофьевича Тихоновна и «матерый кот Мичман — хранитель очага этого дома, пронизанного душевной теплотой» (с. 6).

Но главным «героем» романа является «умозамещение», как категория и как предмет постоянных (периодически происходящих) душевных бесед Николая Андреевича и профессора Скородумова, в голове которого впервые и появился этот термин.

«Умозамещение», как смысловой «фокус» рефлексии обоих героев в этих беседах, формирует особый философско-научный «пласт» романа, погрузившись в который потенциальный читатель задумывается над судьбами мира, судьбой человека в этом мире, над понятиями ума, мышления, разума, интеллекта, интеллигенции, и над тем, куда же «плывет корабль» под именем «Россия».

«Точкой отсчета», или вернее «базой определения сущности» феномена умозамещения, для А. А. Яшина служит подъем интеллектуально-творческих сил, трудового энтузиазма советских людей в эпоху советского социализма, СССР, строивших новое, невиданное еще в мире, социалистическое общество, где человек труда приобрел будущее:

— строил новые города, новые электростанции и новые заводы, разводил сады;

— менял климат в засухоустойчивых регионах страны, посадив там лесные полосы (по 15-летнему сталинскому плану создания новых лесозащитных полос в СССР);

— создавал новые научно-технические отрасли — авиастроение, космонавтику, атомную энергетику и др.;

— первым запустил вокруг Земли «спутник» в 1957 году, а потом первым послал человека в Космос в лице Юрия Алексеевича Гагарина в 1961 году;

— ощутил себя творцом нового мира, в котором братство людей, познание тайны мира, созидание, радость трудовых людей становилось былью («мы рождены, чтоб сказку сделать былью»).

СССР развивался во «вражеском» капиталистическом окружении, потому что мировая капиталократия в самом его появлении и его развитии, в «чуде» сталинских пятилеток, с помощью которых отсталая Россия превратилась в мощную социалистическую державу, занявшую по развитию промышленности и производимому национальному валовому продукту второе место в мире уже к началу Великой Отечественной войны, видела угрозу для своего существования, своего будущего,— развивался на собственной основе («СССР оставался автаркией, все и вся производил сам»,— замечает А. А. Яшин, с. 123).

«Жить своим умом» — этот принцип лежит в основе исторического развития любого народа, самодостаточного в своем коллективном интеллекте. Он материализован в ценностном геноме любой национальной культуры, отражая особенности взаимодействия хозяйствующего человека на Земле с «кормящим ландшафтом», что и лежит в исторической логике этногенеза по Л. Н. Гумилеву.

Социализм в СССР, раскрепощая человека труда, открыв ему дорогу к книге и образованию, раскрепостил одновременно ум советского человека, поднял его на такую высоту, которая отразилась в невиданном прогрессе в развитии науки, культуры, искусства, литературы, техники и технологий.

Ум, замечает профессор Скородумов, в одной из бесед с Андреяновичем, посвященной феномену «подхалимажа» как «пьедестала чиновника» (с. 229), *есть «категория самодостаточности мышления»* (с. 244). И этой самодостаточностью мышления обладал советский человек, потому что она формировалась его ответственностью за будущее своего отечества и мира, ответственностью за качество своего труда и за «качество века» (понятие Н. К. Рериха), в котором он жил, трудился и творил, строя коммунизм.

«Умозамещение» или «зануление ума» (в определении А. А. Яшина, с. 159) — феномен многогранный: в нем, как в «фокусе», «пересекается» много линий деинтеллектуализации и одновременно «деинтеллектуализации» общества, как выражения рыночно-капиталистической (по источникам) глобальной антропологической катастрофы и как ее отражения — первой фазы глобальной экологической катастрофы.

И если в СССР, в советском обществе, в советском человеке этот феномен практически отсутствовал, разве что за исключением тех «шестидесятников», которые, взяв за «идеал» американский, западноевропейский стиль жизни, возненавидели все советское, назвав советского человека «хомо советикус» или «совком», принялись за «замещение» собственного ума «западным», «рыночным», то в России «ельциновской», «демократической», «рыночной» он расцвел пышным цветом.

«Западничество» как таковое, тем более «обезьянничество» (с. 304) с западной ориентацией («...славны бубны за горами!», с. 13), а вернее, колонизация «Западом» отечественных «умов», имеет в России определенные традиции и всегда находило в русской философии, в русской литературе и русской поэзии достойный отпор: достаточно вспомнить борьбу за русскость науки и за самобытность истории русского народа М. В. Ломоносова, «Горе от ума» А. С. Грибоедова, письма А. С. Пушкина Чаадаеву, «Мертвые души» Н. В. Гоголя, сатирические произведения М. Е. Салтыкова-

Щедрина, «Записки из подполья», «Беседы», «Братья Карамазовы» и «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского, философские произведения Н. Ф. Федорова, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, И. А. Ильина, В. В. Кожина, А. С. Панарина, И. Р. Шафаревича, С. Г. Кара-Мурзы, А. А. Зиновьева и др. Классическим примером «умозамещения», как оно описано в русской литературе, является образ Смердякова, мечтавшего превратиться из «противного русского» в идеального француза, и на его основе — понятие «смердяковщина».

«Смердяковщина» и есть колонизация сознания русского человека, замещение всего русского, включая и социокультурную, историческую память русского народа, всем нерусским, как правило — или французским, или английским, или немецким, а в современную эпоху — американским (выражаясь «языком» А. А. Зиновьева — «западодидным»).

Пример «официозной» «смердяковщины» в России начала XXI века — это слепое подражание («обезьяничанье») «Болонскому процессу» в Западной Европе. Этот «Болонский процесс» по-русски де-факто, через рыночные реформы применительно к образованию, доставшемуся «смердяковым» (от образования) от СССР, направленные на его переделку под «бакалавро-магистерские стандарты» англо-американской системы, привел к разрушению традиций русской, и затем — советской системы образования, к уничтожению математической, естественно-научной, русско-литературной педагогических школ в образовании, имевших мировой приоритет, к разрушению фундаментальной подготовки отечественного инженерного корпуса, отраслевого педагогического образования, не имевшего аналогов в мире.

Да и как может быть иначе, если процесс умозамещения начался с «голов» некоторых руководителей коммунистической партии и Советского Союза (аналогично тому, как происходило замещение «головой» на «голову болвана», а вернее — «голову-болванку», которая владела простым языком наподобие «Элочки-людоедки» из знаменитого произведения Ильфа и Петрова, вспомним — знаменитое горбачевское «процесс пошел», в известном повествовании Салтыкова-Щедрина), с М. С. Горбачева, с Б. Н. Ельцина, с Шеварнадзе, с Кравчука, с А. Н. Яковлева и др. вдруг, под влиянием агентов влияния, возненавидевших коммунистический идеал и все советское (по их же собственному признанию) и затеявших расчленение СССР и переделку советской цивилизации и советского народа под эталон «западной колонии».

«Умозамещение» в руководстве КПСС и СССР началось уже тогда, когда решили отказаться в пользу рынка от революционной новации, которую внесла история советского социализма — СССР, — планирования социального экономического развития на базе Госплана, сталинских пятилеток, создавших, как убедительно показано В. Ю. Катасоновым в работе «Экономика Сталина» (2014), советское, сталинское «чудо» — стремительный рост экономического могущества советского государства.

Здесь уместно вспомнить оценку этой революционной, всемирно-исторического значения, инновации, которая в XXI веке становится важнейшим основанием ожидаемого ноосферного прорыва из России к управляемой истории, в виде управляемой социоприродной эволюции, которую дал знаменитый французский писатель и одновременно коммунист Анри Барбюс в начале 30-х годов XX века в книге «Сталин»:

«Гигантская система «планирования», охватывающая своей сетью целые страны и большие периоды, есть порождение советской власти. Но эта идея распространилась по всему миру. Если конкретное свое осуществление она получила в СССР, то в других местах она существовала абстрактно, на словах. Советский Союз никогда не имел возможности заимствовать что-либо у других стран. Но другие страны сделали у него немало заимствований, в том числе это. Они даже извлекли из идеи планирования понятие управляемой экономики, прикрываемое кое-какими претензиями интернационального порядка... Да, да, управляемая экономика. Для человечества нет

другого выхода из положения. Это действительно универсальное средство... Управляемая экономика подобна миру между государствами: если ее начать резать на части, то она существовать не может... Само собой очевидно, что именно в материалистических планах всего более разума. А если мы учтем рациональность всех форм социализма, непосредственность и простоту его связей со всем многообразием действительности, то точнейшее выполнение заданий плана окажется вполне естественным, как бы круты ни были намеченные кривые. Это было бы чудом, если бы это не было социализмом,— говорил Сталин» (А. Барбюс. Сталин, 1997, 188 с.; с. 95—97; выдел. мною, С.А.).

«Рыночные реформы» в России, в соединении их с западничеством, по своей внутренней сути, поскольку они, как и в целом рыночно-капиталистическая контрреволюция, как стратегия глобального империализма мировой финансовой капиталократии, изначально несли с собой «умозамещение» и колонизацию экономики России, то есть превращение ее в экономическую колонию, в первую очередь США, и в первую очередь по линии захвата «командных высот» в системе финансовой власти (банковского капитала) и в системе приватизации по схеме Сакса-Чубайса, а также «вестернизации» образования и науки, то есть на простом языке — превращения их «в видимость» или «в кажимость» образования и науки. Деиндустриализация и деинтеллектуализация России, выражаясь языком одного из «героев» книги А. А. Яшина — «деинтеллектуализация», — сопутствующие этому процессы. Их можно назвать колонизацией общественного интеллекта России, интеллекта политической («либеральной») элиты, одним из «измерений» которой и выступает «умозамещение».

А. А. Яшин в своем романе в первую очередь «умозамещение» связал с глобализмом по-американски, то есть с тем, что Н. Н. Муссеев назвал, в связи с созданием Нового Мирового Порядка по-американски, «Pax Americana». Французскими идеологами нового мирового порядка он назван «мондиализмом». Видный идеолог мондиализма, в прошлом возглавлявший Европейский банк развития и реконструкции, Жак Аттали назвал этот «новый мировой порядок» «строим денег» или «цивилизаций рынка». В этом новом мировом порядке будут сняты все «перегородки» между странами и локальными цивилизациями, люди будут переработаны в «новых кочевников», кочующих по миру вслед за долларовыми потоками. Для этого должны быть уничтожены национальные государства с их суверенитетами, национальные культуры, как хранилища социокультурной памяти этих народов — памяти их истории, то есть произведена рыночно-мировая унификация всех людей мира, с «оцифровкой» их паспортов, тотальной чипизацией и «замещением» их интеллектов, умов, как самостоятельных, на подчиненных указаниям капиталократии, то есть с превращением их в капиталороботов.

По А. А. Зиновьеву этот вопрос в системе западного капитализма уже давно идет: европеец превратился в «заподоида», то есть в капиталоробота, исповедующего только «цифровые» ценности — ценности денег и только денег (на это, между прочим указывает и Дж. Сорос в монографии «Кризис мирового капитализма», 1998).

В шестой новелле «Зеркало эпохи растеряевщины», в воображаемом диалоге между редактором журнала и графоманом Порфирием Дормидонтовичем, Яшин устами «редактора» отмечает:

«Душа истинного читателя и автора, конечно, противится пользованию «гаджетами» в виде компьютерного экрана или электронной книжки, но — против лома нет приема, раз в настоящую эпоху глобализма Тайным (пока) мировым правительством взят жесткий курс на «оцифрование» всего человечества, ибо так легче всего сделать человечество придатком телекоммуникационных сетей, то есть винтиками мирового человеиника (мое замечание: — одновременно и глобальной капитал-мегамашины,

С.А.) — очень удачный термин нашего выдающегося ученого-логика А. А. Зиновьева: по аналогии с пчельником, муравейником, термитником и так далее...» (с. 203).

Вот и курс нашего правительства на создание «цифровой экономики» вполне укладывается в стратегию глобального империализма по «оцифровыванию» российской цивилизации как своей экономической колонии, в которой «умозамещение», как замена «цифрью» действительного качества ума думающих людей и как момент превращения их в «неокочевников» — по Ж. Аттали,— часть этой стратегии.

К этому следует добавить следующее. Недавно известный экономист В. Ю. Катаонов, автор разработки теоретической концепции «денежной цивилизации», опубликовал в «Советской России» статью «Государств скоро не останется. Их заменят банки» («Советская Россия» от 9 сентября 2017 года, № 103(14486), с. 1), в которой фактически подтвердил наш исторический диагноз, что Россия превратилась в экономическую колонию Запада, а российская финансовая (банковская) капиталократия — механизм колонизации России под вывеской «рыночных реформ». Он пишет: «...ЦБ РФ не входит в состав правительства*, он от него всячески дистанцируется. Достаточно сказать, что Федеральный закон о Центробанке России прямо гласит, что ЦБ не отвечает по обязательствам государства, а государство не отвечает по обязательствам ЦБ (мое замечание: это уже означает, что этот «Федеральный закон» разрабатывали «эксперты» с уже происшедшим «умозамещением» под контролем мировой финансовой капиталократии, С.А.). В 2013 году Центробанк получил статус финансового мегарегулятора. Его функции и полномочия в сфере экономики становятся безграничными... ЦБ — это государство внутри государства. Государственные банки России также получают полномочия, выходящие далеко за пределы того, что необходимо обычному коммерческому банку... На проходящем сейчас Восточном экономическом форуме (ВЭФ) вице-президент Сбербанка Андрей Шаров заявил, что Сбербанк начнет выдавать россиянам паспорта и водительские права, то есть будет выполнять функции МФЦ (муниципальное казенное учреждение «Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг»)». Заявление Андрея Шарова лично я расцениваю как проявление полного правового беспредела в России и как яркое проявление того, как частные банки участвуют в приватизации государства... Сбербанк не относится даже к разряду государственных банков... среди иностранных акционеров преобладают организации США. Доля компаний из США составляет 33 % общего числа акционеров».

«Умозамещение» в России, как в «цивилизации рынка» (по Жаку Аттали), со времени отказа от плановой советской экономики и нанесения десяти «ельциновских ударов» по уничтожению самостоятельности России и русского народа (см.: А. И. Сублин. Эпоха Б. Н. Ельцина: десять ударов по уничтожению самостоятельности России и русского народа, 1998, 2017), с отказом «России демократической», в отличие от СССР, от установок в развитии на собственный интеллект, науку, образование, собственные природные ресурсы, а также на технологический и экономический суверенитет, приобрело всеохватный масштаб. И это хорошо показано в «задушевных беседах» двух друзей, профессора и доцента, оставшихся верными своему советскому прошлому, которое продолжает «питать» их человеческое достоинство и самостоятельность их научно-философского и критичного мышления, в книге А. А. Яшина.

Одним из механизмов «умозамещения», как показано в романе-новеллино, стали: — исчезновение с интеллектуального пространства России массового чтения (чем славился СССР, который даже называли цивилизацией массового чтения, или

* Символично: только начиная с этого (2017-го) года на дензнаках, пока на монетах, появилось... название нашего государства и официальный государственный герб (!?) (Прим. ред.).

«читающей цивилизацией»), массового издательства доступной, хорошего качества, научной и художественной литературы;

— замена чтения бумажной книги «интернетовским», «компьютерным» чтением, в котором исчезает культура познания глубоких смыслов человеческого бытия;

— фактическое уничтожение сети библиотек и массового посещения библиотек, чем опять славилась советская цивилизация.

За этим возникает метафора «невидимого вселенского костра», в «пламени» которого сгорают книги знаменитых писателей и ученых, во всех странах мира, как в свое время сжигалась запрещенная литература на разожженных на улицах городов гитлеровской Германии кострах в 30-х годах XX века, и когда процесс «умозамещения» ради создания гитлеровско-нацистского «суперчеловека» носил тотальное содержание.

В романе, в беседе с Порфирием Дормидонтовичем редактор журнала «Срединная Россия», приглашенный друзьями «к камину», говорит о себе и о новой эпидемии интернетовского чтения (с. 189, 190):

«Я — человек абсолютно далекий от интернетовского, вообще компьютерного чтения... Прозрение пришло к окончанию деятельного периода десятилетнего издания «Срединной России» в бумажной и электронной формах. Сопоставляя характерные моменты в активной переписке с авторами и читателями журнала, невольно сделал для себя вывод: практически нет отзывов на публикации от авторов и читателей, не державших «бумажный» журнал в руках, это нам легко отследить. Для подкрепления такого неожиданного вывода — на фоне оголтелой рекламы СМИ интернета как всеобщего просветителя — побеседовал (с наводящими вопросами) по «программе-выборке», все же закончил наш прежний политех по кафедре ЭВМ, с этими самыми продвинутыми пользователями. И выяснил, что из собственно художественной литературы изредка читаются только пасквильные стишата... Конечно, все это несколько преувеличено, но неоспоримо, что интернет (преимущественно) в части художественной литературы используется не как средство познавательно-эстетического погружения в мир творчества, но, в лучшем случае, как эквивалент «перелистывания журнальчика» (это из телерекламы: «Дэну позвонить или журнальчик полистать?»).

При этом, как показывает А. А. Яшин, происходит замена «слова» «цифрой». И соответственно происходит замена «языка, выстроенного на словах», то есть вербального языка, с появлением которого в антропогенезе и произошел скачок в развитии разума человека (поскольку вместе с появлением труда и создания с помощью труда простейших орудий производства в стаде протогоминид «сигнального языка» птиц и животных стало не хватать, возник информационный кризис, выход из которого сопровождался появлением вербального языка), — «языком цифр». И этот «язык» стал вытеснять не только «язык слов», но вместе с этим «языком» — и регулярное чтение книг, тем самым запуская инволюцию человеческого интеллекта, его деградацию.

Примером такого типа умозамещения, как хорошо показано в романе, стала «хириемания» в науке, за которой стояло превращение науки действительной в «науку рыночную», «покупаемую», «хиришевую».

Сам процесс «хиришевого» умозамещения в науке в какой-то мере нес на себе печать, по А. А. Яшину, замены «интеллигенции» на «интеллектуалов», — своеобразной «западной» («западоидной») рыночной подмены действительного «интеллекта», рожденного русской культурой, «интеллектуалом». Этот процесс активизировал «главный орган умозамещения (говорит профессору Скородумову его друг Андреянич в очередной беседе возле растопленного камина), будь он не к ночи помянут, Болонский процесс» (с. 159).

И далее следует пояснение в их диалоге по поводу различий в смыслах слов «интеллигент» и «интеллектуал». Приведу этот диалог с купюрами (с. 160 — 169):

— Андряныч: «...*Чем отличается русский интеллигент от западного интеллектуала?*»

...на Западе и вовсе нет термина «интеллигент» — только у нас, хотя бы само это слово и не русского корня...»;

— Скородумов: «...Я же уточню: оба эти слова латинского происхождения, что не совсем чужеродно русской терминологии. Но смысл их более чем прозрачен: интеллект от *intellectus*, что переводится как понимание или понятие, а интеллигенция происходит от латинского же *intellegens*..., что значит понимающий или мыслящий...

...с позиции логики (профессор Скородумов сел на любимого коньяка, согнав собеседника с коня красноречия...) *интеллектуал есть человек, способный понимать, а интеллигент — сделавший понимание, мышление основой своего творчества*. Чувствуешь кардинальное различие? *Вот почему перевод классического русского интеллигента в разряд западного интеллектуала и есть процесс умозамещения. Если, конечно, под умом понимать всю совокупность творческого мышления;*

— Андряныч: «С тобой трудно не согласиться, Васильич... Я только по сущности приведенных доводов. Добавлю только: *умозамещение в форме обращения интеллигента в интеллектуала ко всему прочему создает элитную касту последних. В отличие от широкого, почти массового интеллигентного сообщества*. Не зря в советском бытие интеллигенция декларировалась как прослойка, а на деле была классом, куда мог войти любой способный к творческому труду... хотя бы к труду над собственным совершенствованием»;

— Скородумов: «Да-да, *в шестидесятые — семидесятые годы наше общество... вплотную подошло к той, невиданной ранее и сейчас в мире ситуации, когда все население страны было готово стать бесклассовым де-факто и де-юре и сугубо обществом интеллигентов*: если даже не по образованию, то во всяком случае по канонам этики, морали, главное — стремлению к творческому труду, даже если он был связан с чем-то на первый взгляд рутинным. Обратил, наверное, Андряныч, что в советское время слово «работа» почти не использовалось?... Преобладало же, особенно в официозе, где знали что и как говорить, слово «труд», что терминологически уже полагало осознанное творчество...» (выдел. мною, С.А.).

Удивительное, замеченное А. А. Яшиным *радикальное различие между советским, почти тотально интеллигентным, обществом*, в котором каждый чувствовал себя творцом, вносящим свой вклад в общее дело (если использовать это понятие Н. Ф. Федорова) творения прекрасного будущего для всех, и *нынешним российским, рыночным обществом — обществом с «элитой интеллектуалов-экспертов» и тотальной рекламой в СМИ праздного, бездумного и «без-умного» образа жизни*, в котором «*пять дней — опостылевшая работа, а затем два дня — гуляй не хочу!*» (с. 162), и в котором, сразу же, вместе с «рыночными реформами» Ельцина — Гайдара и приватизацией по Саксу — Чубайсу (в которой именные ваучеры были отменены, и поэтому эта приватизация была экспроприацией общенародной собственности в пользу кучки олигархов, и стоящей за нею — мировой финансовой капиталократии), *начался процесс «умозамещения» в единстве с «деинтеллигентизацией» общества*.

Замечу только, что процесс «умозамещения» сразу же начался с момента становления «гайдарономики» и чубайсовской приватизации с помощью СМИ, которые превратились, после приватизации, в информационную диктатуру новоиспеченной капиталократии, встроенной в диктатуру мировой финансовой капиталократии как механизм экономической колонизации России. Карла Сти, корреспондент *Global Research* в штаб-квартире ООН (Нью-Йорк), в своей статье «Совесть не оставляет выбора», так охарактеризовала функцию западных СМИ: «Один из величайших успехов в тотали-

тарном промывании мозгов достигнут западными СМИ, которые влияют на слишком многих людей на Западе и в системе ООН» (Сти К. Совесть не оставляет выбора. КНДР противостоит варварским действиям Совета Безопасности ООН, «Советская Россия», от 24 августа 2017 года, № 96(14479), с. 3). А для чего «промывают СМИ «мозги» своих слушателей и зрителей? — Для умозамещения, превращения их в «марионетку», которыми бы могла управлять капитал-мегамашина.

А какого успеха в умозамещении достигли наши, российские СМИ, после их приватизации, свидетельствует жительница села Ермаковское, депутат районного совета Галина Новикова, рассказав об «учителе-историке, проживающем в селе, которое деградирует, разрушается, где царствует безработица, нищета, пьянство, из которого бежит молодежь», заявлявшем, «что лучше такой капитализм, чем социализм». И Галина Николаева задает вопрос: «Это что? Социальная, политическая неграмотность? Или профессиональная некомпетентность?» — Я отвечаю: «Это — умозамещение, сделавшее из этого учителя-историка «куклу-марионетку», живущую ценностями, которые в нее вложили, в том числе — и СМИ, с помощью «технологий умозамещения».

«Хиршемания» в науке и образовании в современной России предстает именно как такой процесс «умозамещения» и «деинтеллектуализации» в науке и образовании.

«Физик-теоретик по образованию Хорхе Хирш» начал свой путь в науку «в мясомолочной сельскохозяйственной Аргентине», и чтобы как-то обеспечить себе научную карьеру «устроился в Калифорнийский университет в Сан-Диего» (с. 166).

Именно он в 2005 году («на пятом году после миллениума») во время конференции Американского физического общества предложил* для оценки научной деятельности ученых свой наукометрический индекс, получивший название «индекса Хирша». Его математическое содержание заключается в особом типе свертки распределения числа и цитирований работ конкретного ученого «*M*»: он «имеет личный индекс научной продуктивности q , если q из его статей N цитируется, как минимум, q раз каждая, в то время как оставшиеся ($N - q$) статей цитируется не более чем q раз каждая» (с. 170). Сразу же возникли критические вопросы по поводу такого подхода к наукометрии? Если француз Эварист Галуа, один из основоположников ряда современных разделов математики («поля Галуа»), успел до своей казни на гильотине опубликовать всего четыре статьи, то он навсегда и останется в памяти последующих поколений «ученым с индексом 4»? А вот Эйнштейн к началу 1906 годов, когда у него была почти готова теория относительности и опубликовано всего пять статей, имел бы индекс «пять»? (с. 171). *Но его, Хирша, и его индекс поддержал Роберт Хоккинс, сравнив работу ученого с работой бизнесмена, вполне капиталорационально* (если вспомнить понятие капиталорационализации из нашей теории капиталократии, которое я использовал выше): «Это как бизнесмен вложил в дело сто долларов, двадцать из которых обернулись каждый не менее чем двадцать раз, а бизнесмен в итоге получил свыше четырехсот процентов чистой прибыли, даже если при этом первоначальные восемьдесят из ста не то, что прибыли не принесли, но и вовсе пропали в неудачной котировке акций. Дело стоящее, господа, предлагаю дать новому индексу имя мистера Хирша!» (с. 171).

И «индекс Хирша» был принят и зашагал по планете, и дошел до России, и сразу же «образованцами» в управлении российскими образованием и наукой был принят на вооружение и начался «хирше-умозамещение»: по индексу Хирша стали определять научную продуктивность и статусность ученых, профессоров, академиков, преподавателей высшей школы. *«На научный мир», и на научный мир России, «надвину-*

* Понятно, это не сугубая фактология, но художественная интерпретация в романе А. А. Яшина (Прим. ред.).

«*льса эпоха хиршемании*», — замечает «герой» яшинского романа — профессор Игорь Васильевич Скородумов.

А индекс Хирша, как и положено для капиталорационализированных науки и образования, — достаточно дорогой, потому что он вычисляется по публикациям и цитированию в дорогих американских, западноевропейских и международных журналах, в которых публикация статьи для автора обходится в достаточно большую цену или в долларах, или в евро, и которая остается «подъемной» только для «элиты интеллектуалов» в науке. Иными словами, в точности с циничной ремаркой — сравнением Р. Хоккинса, как она воспроизведена в романе, оценка научной продуктивности, и соответственно — эффективности научных исследований, превратилась в предмет рыночных отношений, в своеобразный сегмент рынка, в котором «интеллектуалы», далекие от науки, но направляющие механизмом «хиршевой наукометрии», получают прибыли и не малые. Капитал-сатана в науке правит бал, наука гибнет за металл. Но в рыночной России — «ельциновской» и «пост-ельциновской» — на фоне научно-технических прорывов в СССР, на фоне взлета научного творчества в советском социалистическом обществе, давшего миру таких гениев мирового масштаба, как Вернадский, Циолковский, Чижевский, С. П. Королев, Чаплыгин, И. В. Курчатов, Артоболевский, Е. И. и С. И. Вавиловы, Келдыш, С. П. Капица, Семенов, Несмеянов, Л. Берг, А. И. Берг, Ж. И. Алферов, Туполев, В. М. Глушков, Микоян, Сухой, Яковлев, Лавочкин, В. А. Сухомлинский, Н. Н. Моисеев, П. Г. Кузнецов, В. П. Казначеев, Трофимук, Колмогоров, Понтрягин, Б. Г. Ананьев, Выготский, и список этот огромен, — это «хирше-рыночное», направляемое «интеллектуалами» Запада, самоубийство науки и образования, его «умозамещение» как «зануление» в определении А. А. Яшина, особенно заметно.

Я, начиная с 1969 года, уже без двух лет почти полвека, занимаюсь философией и теорией качества, в том числе квалиметрией — наукой об измерении и оценке качества продукции, труда, проектов, НИОКР и вообще любых объектов в сфере деятельности и воспроизводства жизни человека, включая и квалиметрию человека. Квалиметрия, как наука, зародилась в СССР в 1967 году благодаря научным исследованиям и обобщениям в области управления качеством и оценки качества продукции и труда таких советских ученых, как Г. Г. Азгальдов, А. В. Гличев, Э. П. Райхман и др.

В этом 2017 году ей исполняется 50 лет. В концепции синтетической парадигмы квалиметрии или синтетической квалиметрии, разработанной мною, сформулирована система принципов и аксиом теории оценивания качества. Один из принципов называется «*принципом соответствия степени формализации методики оценки уровню формализуемости объекта оценки*». Если уровень формализуемости применяемой модели оценки намного выше, чем возможный уровень адекватного формализованного описания объекта оценки (вследствие его чрезмерной сложности, нечеткости описания его свойств и признаков, неизученности структуры объекта), то такая оценка будет несоответствовать действительной мере качества оцениваемого объекта, и, будучи примененной в управлении качеством, породит «ошибку ложной цели» (по У. Эшби), будет понижать, если не «занулять» (выражаясь языком А. А. Яшина), эффективность такого управления.

Советская наука не знала наукометрического показателя в форме «индекса Хирша», пользовалась традиционной системой оценок, включая системы защит разных диссертаций, участием ученых в конкурсах на звание член-корреспондентов и академиков АН СССР (хотя и здесь бывали непростительные ошибки, так, например, Д. И. Менделеев*, наш гений, открывший периодический закон химических элементов, не был принят в действительные члены Российской академии наук), механизмы

* Впрочем, здесь дело «тонкое»: его не утверждал в академиком Николай Второй; здесь много версий, в основном, «конспирологического» характера... (Прим. ред.).

научных апробаций на научных семинарах, симпозиумах и конференциях и пр. И, однако, она заняла в мире (как и русская наука в досоветской России) достойное место, превратила СССР в мощную самодостаточную научную державу, с которой считалось и у которой училось все человечество.

В нынешней «рыночной», «демократической», «умозамещенной» России, с «современной» системой индексации научных достижений, заимствованных с «Запада» («индекс Хирша», «индекс *Scopus*»; о последнем в романе профессор Скородумов поведал Андреянычу следующее: «...Кстати, об индексе *Scopus* недавно узнал. Скопус — это холм в Иерусалиме, где в 1918 году, когда англичане изгнали турок из Палестины, основоположник сионизма Хаим Вейцман заложил первый камень в фундамент будущего Еврейского университета... откуда сейчас и ведают мировой «наукометрией», с. 182), идут процессы сдачи передовых научных позиций, разрушения академической науки как важнейшего социального института, в частности, РАН и системы ее научно-исследовательских институтов, уничтожение научных школ в академии и в системе высшей школы, именно потому, что подчинили их системе рыночных отношений, а наука, образование, культура относятся к категории общественного блага и в своем воспроизводстве «законам рынка» не подчиняются, как и не подчиняется им природа, предьявившая человечеству «ультиматум» в виде первой фазы глобальной экологической катастрофы.

«Умозамещение» в России — явление многоликое, своеобразная пандемия деинтеллектуализации и деинтеллигентизации, охватывающая все сферы «умственной жизни» (а разве может быть жизнь человека «неумственной», «немыслящей», ведь тогда она не есть жизнь человека, а есть жизнь «недочеловека» или «постчеловека», но «постчеловека» не в смысле прогресса человечности, гуманизма как свойства человека, а в смысле его капиталорационализации, замещения его «души» и его «ума» долларом, и через доллар его превращение в «винтик», или «колесико», «зубчатую передачу» глобальной капитал-мегамашины).

Вот, например, *умозамещение», которое охватило российскую систему образования, в которой, как указывает профессор Скородумов в одной из бесед, все вузы подверглись менеджеризации: менеджмент — все, а фундаментальное образование, качество подготовки, творчество учителя, профессора, студента, школьника — ничто. Да и как может быть иначе, если один из высокопоставленных «образованцев», определяющий образовательную политику в России, сказал, что задача образования — это формирование грамотного потребителя, а рынок весь построен на манипуляции, через рекламу, сознанием потребителя.*

Вот как Игорь Васильевич объясняет ситуацию своему собеседнику в одной из задушевных бесед: «...Качество контроля обучения подменили учетом количества бумажных баллов, коэффициентов и прочей канцелярщины... не раз слышал, как проверяющая из учебной части распинает чем-то провинившуюся в оформлении ведомости — числа им сейчас нет — доцентшу, затем словесно прощает ее оплошность, как женщина женщину, по доброте душевной, добавляя: «Молитесь богу, милочка, что *менеджменту* эта ведомость на глаза не попалась!» — И бережно подержала под локоток обморочно побледневшую молодую преподашу» (с. 126).

Декан факультета Тулуповского университета, в разговоре по поводу «оцифровки» образовательного процесса: «двусмысленно усмехнулся — станем переводить слова разума в цифру отчетности» (с. 167). Происходит «тотальное умозамещение научного знания цифирью» (с. 165).

И опять за этим стоит Его величество «рынок образовательных и научных услуг». На фоне деиндустриализации России, закрытия отраслей высоких технологий, понижения наукоемкости, интеллектоемкости и образованиеемкости, в целом экономики, потому что Россия нужна «Западу» не как могущественная держава, сильный

геополитический центр мира, определяющий стратегию его развития, а как «колония» с невежественным «умозануленным» населением.

Вот одна из описываемых фарсовых ситуаций в современном вузе, ничуть не уступающая такого типа ситуациям в «Мертвых душах» или в «Ревизоре» Николая Васильевича Гоголя. В одном из вузов «N», в логике новых специальностей или направлений, которые бы пользовались спросом на «рынке образовательных услуг», одна дама — «преподша» «K» — решила «в программе новой специальности» остановиться на «менеджменте безопасного секса и средств любовной санитарии» (с. 128). Каково? — Но если бы это было бы писательской фантазией А. А. Яшина? Но ведь в 90-х годах в школах, даже в классах начальной школы, по всей России пытались внедрить «половое воспитание» с обучением безопасному сексу, и сколько было покалечено этим педагогическим нововведением «либералов-образованцев», направлявших образовательную политику страны в нужное «рыночное русло», судеб детей и подростков? «Умозамещение» в системе российского образования — это «умопомрачение» взрослых дядей и тетей, находящихся в «плену» идеализации американской системы образования (в США) и высокомерного отношения к достижениям советского образования, потому что *рыночно-капиталистическая контрреволюция в России*, какими бы демагогическими либеральными «слоганами» она не прикрывалась, выполняла тот же заказ глобального империализма по уничтожению СССР, как первой в мире страны прорыва человечества к социализму, какой выполнял и Гитлер, и в целом нацистская Германия, в войне 1941—1945 гг. против СССР.

А «умозамещение» в средствах массовой информации (СМИ) и Интернете, как мультипликатор «умозамещения» среди населения, погруженного в экраны телевизоров, компьютеров, планшетов?

По мере чтения романа, погружения в содержание великолепных «задушевных бесед» двух друзей, ученых, работников высшей школы, глубоких знатоков русской истории и русской, советской литературы, Андреяныча и Игоря Васильевича, возникает жуткая картина «античеловеческой революции», то есть контрреволюции, — антипода «человеческой революции» Аурелио Печчеи, заявленной им в книге «Человеческие качества» в середине 70-х годов XX века, как императива в развитии человечества и базового условия решения глобальных экологических проблем на Земле, — которая спланирована мондиалистами — идеологами мировой финансовой капиталократии, в частности — тайным Мировым правительством, и на это прямо указывается в романе, и которая предстает в научно-образовательном и информационном пространствах России как жуткая, скрытая от глаз обыкновенных людей, занятых своим бытом и проблемами выживания, реальность.

«Умозамещение» захватывает, как процесс, русский язык и русскую литературу, становясь процессом их своеобразного заболевания, отражается в процессах переименования улиц в городах (в одной из новелл романа: «В зал с криками врываются переименователи, скандируя новые название улиц: «Колчаковская», «Деникинская», «Тухачевского», «Шкуро», «Атамана Семенова!...», с. 206, 207), оно проявляется на выборах современной «демократической России», и пр., и пр.

Вот как с юмором и сатирическим смехом описывается проблема «голосования» на Руси и в современной России. Цитирую отрывок из рассказа Скородумова о том, как проводил «табельный день коммерц-коллегии», то бишь «министерства промышленности и торговли по-нынешнему», Петр Первый.

«Дойдя до конца повестки, Петр развеселился, хлопнул штофный кубок анисовой. Дескать, голландские купцы бартер предлагают: они нам корабль презервативов, а мы им пять кораблей с отборным мачтовым лесом из заповедных рощ под Калугой. Ваше мнение, господа? Молодые коммерц-советники, «птенцы гнезда Петрова», обрадовались: вот вольно же теперь будет ночами бегать по светелкам боярышен, не опасаясь

обрухатить молодич,— в один голос: «Конечно, Петр Алексеевич, соглашаться надо на бартер незамедлительно! Пора нам по европейским меркам прожить!».

Старые же бояре... хмурятся, супротивно говорят: «Нет, надежа государь, не православное это дело, богопротивное, супротив обычаев наших от времен Гостомысла и Рюрика...».

«Что ж, господа,— весело топорщит царь свои тараканьи усы,— у нас сейчас все по-европейски, по справедливости, чинами не считаясь. Значит, будем голосовать!». Свежобритые старые бояре оживились: «Во-во, Петр Лексеич, *голосовать* будем. Отцы-деды наши *голосовали* и мы будем *голосовать!*».

— Ха-ха-ха! Все в точку, Андреяныч! Тем и ужасает людей, самодостаточно мыслящих — на врое нас с тобой, скажем без излишней скромности,— *умозамещение, что фактор «моя твоя не понимай», с одной стороны, разъединяет людей в смысле понимания друг друга, даже в рамках семьи и трудового коллектива; с другой — «объединяет» их в утлом единомыслии, диктуемом через вездесущие СМИ теми, кому нужно обещать людей-винтиков огромной глобалистской машины человечейника — нашего несветлого будущего, а во многом уже и настоящего*» (с. 234—236; выдел. мною, С.А.).

«Человек-винтик», как результат капиталорационализированного умозамещения, в том числе и с помощью СМИ, в чем-то становится схожей с «человеком-мышью» из «Записок из подполья» Федора Михайловича Достоевского: «считает себя за мышь, а не за человека» (Ф. М. Достоевский. Записки из подполья, и. III, издан. А. Ф. Маркса, Санкт-Петербург, 1894, с. 77). «Человекомышь» — это человек, отказывающийся от сознания — этой «первоначальной гадости», что требуется, уже на языке теории капиталократии, Капиталу-сатане. «Умозамещение» (по А. А. Яшину) — это процесс замещения человека, умеющего мыслить самодостаточно и поэтому человека опасного для строя капиталократии (с вывеской для прикрытия под именем «демократия»), «человекомышью», для которой такая мыслительная самостоятельность не нужна, поскольку от нее требуется быть «винтиком огромной глобалистской машины человечейника» (с. 236).

На «рынке человекoв-товарoв», где покупается «человеческий капитал» и действует закон фальсификации качества (если можно получить прибыль, да еще при норме прибыли более 100 %, вспомним высказывание К. Маркса, что если прибыль достигает 300 %, то капиталист готов идти на любые преступления), «умозамещение» становится формой фальсификации знаний, профессионализма, компетенций через купленные на «рынке» «сертификаты ума», например, купленные за определенные денежные суммы дипломы бакалавров, магистров, кандидатов наук, докторов наук и пр.

Как это происходит, хорошо рассказывается в четвертой новелле романа «На цыганском факультете». В ней повествуется история одной энергичной дамы, которая *«расширяя и расширяя свой торговый рынок в России и Азии, в то же время неустанно повышала и свое научно-образовательное реноме, хорошо понимая: чем выше это реноме, не в голове, конечно, но на визитке и в официальных анкетах, тем с большим успехом проворачиваются торгово-аптечные дела с солидными, особенно государственными, партнерами. К тому же крепким женским, что дается от рождения и младенческо-детского воспитания, умом понимала какие дни стоят на дворе, улавливая все экономические, политические и иные веяния»* (с. 130; выдел. мною, С.А.).

Интересным механизмом «умозамещения» в среде «интеллектуалов», особенно «интеллектуалов» в СМИ, является «тусовка».

Андреяныч в 9-й «задушевной беседе» с Васильевичем, то есть с профессором Скородумовым, по поводу глобальной сущности «умозамещение», замечает:

«— Знаешь, Васильич, *если главный движитель, опять же выражаясь языком*

ракетчика, всеобщего умозамещения суть правящий тайно и явно всемирный «клуб глобализаторов», то приказчиками его, то есть сугубыми исполнителями, являются в явной, открытой для всех ипостаси средства массовой информации. Ни для кого не является загадкой; почему они, вроде как принадлежащие к различным государственным образованиям и их блокам, конфессиям, традиционным этическим нормам и пр., дуют в одну дуду. Даже не особенно обременяя себя маскировкой национальным колоритом, степенью тоталитарного или демократического устройства, опять же «прочая»... СМИ давно уже стали транснациональными субъектами глобализации, а значит и умозамещения» (с. 301, 302; выдел. мною, С.А.).

И одной из технологий умозамещения в СМИ становится «тусовка» (с. 303), ну, например, это я уже добавляю от себя,— передача «Поле чудес» на телевидении российском. «Другой пример,— говорит Андреяныч профессору,— тусовка, запаренная СМИ, случившаяся в Москве в прошлом году. Помнишь, конечно, эту шумиху с выставкой картин Серова, когда число ее посетителей перевалило за всякую мыслимую величину? Как же тему эту муссировало телевидение! Прямо-таки помешательство случилось: люди, в основном экзальтированные в части общедоступного досуга, москвички и пригородные, ночами в музейной очереди стояли... Ну и молодежи ведь толпы?! Самое же интересное, или уморительное — понимай как хочешь, я это в какой-то газетке прочитал: некий репортер приставал к жаждущим вернисажа: на какого они Серова «стоят» — Валентина Александровича, автора «Девочки с персиками» и карикатур на царя «Солдатушки, браво ребятушки», или на сталинского лауреата, вице-президента советской художественной академии, создателя историко-революционных картин навроде «Зимний взят» и «Ходоки у В. И. Ленина» — Владимира Александровича Серова (настоящая фамилия у него другая...)?» (с. 303, 304). И далее следовали ответы стоящих в очереди, в которых звучали, во-первых, изумление, что «Серовых целых два», во-вторых, полное незнание искусства ни того, ни другого.

Андреянович задает себе вопрос: с какой целью была спланирована СМИ тусовка? И далее отвечает, ведь «вариантов использования принципа тусовки великое множество. Последний органически переплетен с обезьянничеством, двигателем торговли и впаривания обывателю совершенно ненужных вещей» (с. 304). И здесь, даже в мире искусства, рынок все опошляет и фальсифицирует и здесь Капитал-Сатана поет свою «песню», замещая «умы людей» на «болванку»: «Сатана там правит бал, и люди, и искусство гибнут за металл!».

Роман-новеллино Алексея Афанасьевича Яшина продолжает сложившиеся традиции сатирического смеха над теми или иными патологиями российского общества, выходками «процветающих мерзавцев» (понятие М. Е. Салтыкова-Щедрина) в России, наподобие олигархических пьянок в Куршевеле с девочками легкого поведения, в классической русской литературе — литературе Ломоносова, Державина, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Чехова, Толстого, Горького, Маяковского, Зощенко, Твардовского, Шолохова, Леонова.

«Умозамещение» — это колонизация сознания и интеллекта людей в современной «рыночно-капиталистической» России, как экономической колонии, феномен власти капитала над трудом, как манипуляционной власти, требующей, чтобы подчиненный ей «народ» был «умозамещенным», с «манипулируемым» сознанием (феномену манипуляции сознанием С. Г. Кара-Мурза посвятил капитальную научную монографию). Одновременно, «умозамещение», как и проанализированный мною еще в 90-х годах феномен «социальной вирусологии», является инструментом войны глобального империализма — информационной, экономической, технологической, духовной, ценностной — против России, вплоть до полного ее уничтожения как геополитического противника. Развертывающаяся «дипломатическая война» администрации нынешнего президента США Трампа в августе — сентябре этого года против

России — это только один из индикаторов «конвульсий» империализма США, как отражение исторического процесса его конца.

Природа, космос на «старте» XXI века взывает к человеческому разуму, потому что начинается ноосферный этап эволюции мира, в котором мы живем, в том числе ноосферный этап в эволюции биосферы и в истории человечества. Этот переход в эпоху ноосферы (понятия Н. Н. Моисеева) и есть эпоха великого эволюционного перелома.

Закончилась «предыстория» человеческого разума и наступили его «роды» — «роды» действительного ноосферного разума, которые могут состояться только в единстве с «родами» действительного — ноосферно-социалистического человечества.

А это означает, что за «родами», как за метафорой, скрывается ноосферная социалистическая революция XXI века — прорыв человечества к новому качеству своего бытия в виде управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и научно-образовательного общества.

«Роды действительного, ноосферного разума» — это, одновременно, и успешная реализация императива экологического выживания человечества — выхода из экологического тупика истории в форме первой фазы глобальной экологической катастрофы.

Русская философия, русская литература, русский космизм, как особое течение русской мысли, направленной на мировидение и мироосвоение, русский ноосферизм, рожденный русским космизмом, всегда были направлены к всечеловечности (по Ф. М. Достоевскому), к раскрытию космического предназначения человеческого разума (об этом писали Ф. М. Достоевский, Н. Ф. Федоров, С. Н. Булгаков, В. И. Вернадский, К. Э. Циолковский, И. А. Ефремов и др.), к возвышению творчества человеческого ума.

Роман А. А. Яшина продолжает эту лучшую традицию русской мысли. Этот роман «укладывается» в его исследовательский «поток», связанный с разработкой «феноменологии ноосферы», которой он посвятил уже полтора десятка томов научных монографий*.

«Умозамещение» — это один из признаков экологической катастрофы рыночно-капиталистической системы, как таковой, своеобразная «теневая сторона» капиталоκραтии, которая уже превратилась в «утопию» человечества, которая продолжает жить как «раковая опухоль» на «теле» человечества с помощью империализма, колониализма, расчеловечивания человека, тотальной деинтеллектуализации капиталистического общества.

Мое убеждение: Россия первой открыла для человечества историческую «дорогу» в социализм, Россия (в лице СССР) первой открыла для человечества историческую дорогу в космос, и все это она сделала за прошедшее 100-летие Великой русской (Октябрьской) Социалистической Революции, — России суждено в XXI веке возглавить ноосферный прорыв человечества. Открыть историческую «дорогу» в ноосферный экологический духовный социализм!

И так будет!

А «умозамещение» как «мираж» развеется, исчезнет с исторического экрана человеческого бытия вместе с освобождением человечества от «объятий» мировой финансовой капиталократии или «мирового капитализма» (по Дж. Соросу), уже превратившегося в «экологического самоубийцу», — от «объятий» капиталократического анти-разума (каким бы могущественным он не казался некоторым умам).

Правда истории за социализмом, но в новом качестве — ноосферном, — и это подтверждает 100-летие Великой русской (Октябрьской) Социалистической Революции в этом, проживаемом нами, 2017-ом году!

* Яшин А.А. Живая материя и феноменология ноосферы. Тт. 1—15 (Москва, Тула, Тверь; разные издательства). В Интернете см. по поисковому на разных сайтах, в том числе на сайте «Тринитаризм» (Прим. ред.).